

Коктебель. Портрет М. Волошина

Коктебель. Улица, ведущая к дому поэта

Коктебель. Портрет М. Волошина

Юлия ЖАРКОВА

СТРАНА КОКТЕБЕЛЬ

Однажды мы поехали за тридцать земель счастья искать.

Наш американский друг и волшебник Ноэль катил нас в составе трех — а это были Ольч, Янч и автор этих строк — по долгим дорогам в Крым, на его машине spassiba. Мы вели себя, как герои Кустурицы, который не переставая пел "I am pit-bull", — пели весь день и всю ночь, на разных языках — дабы наш друг за рулем не оказался нечаянно в объятиях Морфея.

К слову, сильнейшее впечатление на Ноэля оказали пластмассовые цветы, которые у нас принято прикреплять в местах дорожно-транспортных происшествий. Ноэль спрашивал как-то меня, что значат эти цветы. Помню, мой мозг в тот момент уже не воспринимал английский, и я ему ответила, что, мол, не знаю...

Будучи человеком настойчивым, Ноэль узнал у других одесситов, зачем украшают этими "plastic flowers" деревья и телеграфные столбы. Потому, пока мы ехали в Крым, "plastic flowers" упоминались довольно часто. Особенно в местах повышенной асфальтовой бугристости.

Но вот наконец мы в Феодосии... Фиолетовой и серо-голубой.

Идем на набережную в 6 утра. Солнце розово встает над шелковым морем бледно-золотым. И небо провозглашает тишину и прикладывает палец к губам. И все мне говорило: "Забудь свою любовь". Но я не верила ни розовому солнцу, ни шаршавой земле, ни сказочному бумажному мусору на белых пляжах.

Мы искали гостиницу моего детства "Феодосия" — фиолетовую и старую, залитую горячими солеными дождями. Не нашли, потому что давным-давно ее снесли. Вместо воздвигся евроремонтный пионерлагерь.

И мы покатали в Коктебель. Я заснула, и снилось мне, что я и вправду полюбила, и весь сон я летела в пустые колодцы без дна, пока меня не растолкали круглыми, как камушки на море, словами: "коктебель, коктебель". Был уже яркий светло-желтый полдень.

Остановились мы в гномичьем домике с палисадником.

Мы купили персики и виноград, от которого кружилась голова. Вполне возможно, у нас кружились головы от голода и бессонной ночи в машине, но улыбки распухались

на наших лицах сами, без приглашения, как неприхотливые цветы.

А вечером нас ожидала музыка и переживание настоящего рая.

Это был джазовый фестиваль, и он стянул наиболее чудесных людей со всех концов света.

Мой сын, он же Янч, плясал под джаз, блюз и рок-н-ролл, и его окружали совершенно такие же дедти-красоты и их родители. И все это возле дома Волошина.

Так еще день был проведен в умилении и изнеможении. Мы купались в бирюзовом море. Слева лиловела, белела, иногда — желтела или краснела гора-Хамелеон, а справа свой взгляд устремлял вдаль гигантский, обращенный ко всем в профиль, Макс Волошин. И на этом пляже когда-то, помнится, Марина Цветаева нашла сердо-

лик, встретила Сергея Эфрона и написала стих "С. Э.", где есть такие слова: "...что ты любим, любим, любим — расписывалась радугой небесной".

Сейчас на побережье поставили пластмассовые шезлонги — это было, мягко говоря, странно, поскольку ничего общего не имело с состоянием первозданности, глубокой бирюзы, звезд над горами, кипарисами и полынью, изначально присущим этим местам.

Я закрывала глаза, и в голове в такт волнам звучала тихая песня Леннона "Oh my love for the first time in my life...". С этой песней у меня особые отношения. Если она начинает звучать в моей голове, то всегда спонтанно. И всегда бледно-голубого цвета.

А вообще, странно я себя чувствую в Крыму. Чувствую себя там ДОМА...

Медленно засыпая на перламутровом песке, некоторые без труда замечают обитателей громадных облаков, которые, позолотев от закатного солнца и поглубев от моря, застывают над вершинами гор.

Коктебель. В доме поэта

Коктебель. Комнаты в Доме Волошина

Влада БРОНЗ

ДЕТСТВО

Воспоминания моего детства — это мое маленькое утешение в минуту слабости, опущенных рук, отрицания возможного счастья. Это энергетическая подпитка уставшего организма, позволяющая по-новому взглянуть на мир вне моего воображения.

Все началось с квартиры, в которой я родилась, где я прожила всего лишь первые четыре года, — оттого память меня подводит, возникающие образы нечетки, однако ощущение звуков и запахов моего первого дома я пронесла сквозь годы в мир взрослый, и каждый раз, возвращаясь в мыслях в то место, я испытываю невероятное счастье — я пришла в этот мир.

Итак, улица Франца Меринга, 75, квартира 3. 80-е годы. Годы, когда многие из вас жили обыкновенными взрослыми буднями, я просыпалась в средневековой обители странных портретов людей, умерших столетия назад, Иисуса Христа, в частности, и напротив — робко взирающего на него монаха Савонаролы; среди чучел экзотических животных, необыкновенной мебели стиля роко-барокко и прочей антикварной круговерти, пугавшей и завораживавшей меня одновременно.

Гостиная комната наполнена густым запахом масляных красок, глубоко врезавшимся в мою память и сердце.

Выхожу на балкон. Третий этаж. Я — еще совсем маленькая девоч-

ка, соответственно, мир сверху кажется огромным и непостижимым.

Напротив, сквозь призму, как мне казалось, цветного дождя, просматриваются волшебные серые здания. Королевские замки и сказочные деревья.

Теперь, проходя по этой улице, замечаешь, что дома стали ниже, дороги уже, дождь прозрачнее.

Возвращаюсь в гостиную. Дверь справа ведет в комнату моего брата. Игрет пластинка Высоцкого, комната заполнена горами проиллюстрированных энциклопедий, аудиокассет и пластинок, вокруг небрежно разбросаны художественные произведения классиков, альбомы с картинами великих художников, пособия по биологии и анатомии. Где-то в углу стоит мой детский барабан и фокусный набор юного мага, который, впрочем, не раз доказал, что я не обладаю никакими сверхъестественными способностями.

Эта узкая длинная комната, где колыбель мне заменяли страшные сказки на ночь с участием героев известных романов и советского кино, раз и навсегда определила мой вкус и мои страхи.

Другим миром казалась комната бабушки. Я не помню цвета стен, но она представляется мне небесно-голубой и неизменно ассоциируется со светлым временем суток, запахом апельсина и фильмом "Обыкновенное чудо".

Вспоминаю бабушку на маленькой кухне с антресолями, также обладавшей своим особым запахом. Это смесь овощного аромата, запаха ненужного хлама, набитого пылью, и едкой, уже потрескавшейся краски, покрывавшей дверь антресоли.

Бабушка, гордая красивая женщина, которую бабушкой и не назовешь, варит ненавистный мне куриный бульон. Однако находясь там, рядом с ней, ощущаешь тепло и защищен-

ность, которую не почувствуешь ни в одной из перечисленных комнат.

Эти воспоминания — волшебный, далекий мир, где я жила особенной жизнью, отличной от мира за пределами моего дома. В некотором роде зазеркалье, где детство пропитано масляными красками, а над кроватью слетелись неживые птицы, охраняющие мой цветной сон, всматриваясь в темноту своими искусственными глазами.

И вот я выхожу в коридор. До блеска начищенные паркетные полы, шесть старых дверей, ведущие в шесть разных комнат, три из которых приютили чужие семьи.

А ведь когда-то эта квартира целиком принадлежала моим прауродителям. И мама моя, жившая в той самой узкой длинной комнате моего брата, наверняка сохранила свои особенные воспоминания о том далеком времени, о виде с балкона третьего этажа, о пробуждении в квартире 3 на улице Нежинской, 75. Но это уже совсем другая история.